УДК 340.15

Павкин Л.М.

ЛИБЕРТАРИАНСТВО: ПРИНЦИПЫ, ТЕОРИЯ, ОЦЕНКА

Статья посвящена проблемам либертарианства. Автор рассматривает два ключевых произведения либертарианства: «Дорога к рабству» Ф. Хайека и «Анархия, государство и утопия» Р.Нозика.

The article is devoted to problems of the libertarianism. The author considers two key works of the libertarianism: «The Road to Serfdom» by F. Hayek, «Anarchy, State and Utopia» by R. Nozick.

Ключевые слова: *либертарианство, индивидуализм, право, минимальное государство, справедливость, собственность.*

Key words: *libertarianism, individualism, law, minimal state, justice, property.*

В XX веке в условиях расширения государственной деятельности по регулированию экономики, создания проектов социального государства в индустриально развитых странах классическая либеральная идеология подверглась определённым изменениям. В ней выделилось два основных направления, которые не получили среди учёных однозначного определения. Одно из них обозначается понятием неолиберализма, или социального либерализма, в отличие от старого, индивидуалистического либерализма. Второе направление называют неоклассическим либерализмом, неоконсерватизмом, иногда также неолиберализмом, из-за чего возникает путаница в различении разных либеральных направлений. Более адекватным по отношению к этому второму направлению представляется понятие «либертарианство», утвердившееся в основном в американской научной мысли конца XX в.

Дэвид Боуз характеризует либертарианство как политическую философию, «последовательно применяющую идеи классического либерализма, доводя либеральную аргументацию до выводов, более жёстко ограничивающих роль государства и защищающих свободу личности в большей степени, чем любые другие классические либералы» [1, с. 28 – 29]. Основные принципы либертарианства – индивидуализм (элементарной единицей социального анализа считается отдельный человек, индивид), права личности, спонтанный порядок (все самые важные институты общества – язык, право, деньги и рынки развились спонтанно, без централизованного руководства), верховенство права, ограничение роли правительства, свободные рынки. Либертарианцы считают для себя не совсем подходящим название классических либералов, так как слово «классический» звучит как старый, устаревший. Ещё в большей степени либертарианцы открещиваются от своего отождествления с консерваторами. Признавая совпадение взглядов по ряду экономических вопросов, они вовсе не ратуют, как консерваторы, за реставрацию и сохранение традиционных ценностей.

Либертарианцы негативно оценивают всё мировое историческое развитие в XX в. По словам Боуза, «XX век был веком государственной власти, от Гитлера и Сталина до тоталитарных государств за железным занавесом, от диктатур по всей Африке до бюрократических «государств всеобщего благосостояния» Северной Америки и Западной Европы. Многие считают: раз мир всё более усложняется, вполне естественно, что правительства становятся больше и могущественнее, Однако в действительности XX век во многих отношениях представляет собой отклонение от магистрального пути, по которому развивается 2500-летняя история Западного мира. Начиная с древних греков история Западного мира была по большей части историей возрастающей свободы при постепенном ограничении государственного принуждения и произвола» [1, с. 5]. Признаётся, что, если мир пойдёт по либертарианскому пути, он не станет идеальным, сохранятся неравенство, бедность, преступность, коррупция.

Идеального общества не бывает, но оно может стать более совершенным и свободным, если не государство, не какая-то внешняя власть, а сами люди будут в значительной степени самостоятельно принимать решения, касающиеся их жизни, и понимать свою ответственность за последствия принятых ими решений.

Одним из крупнейших представителей либертарианства, в определённой степени его основоположником считается австрийский учёный Фридрих Хайек (1899 – 1992), доктор права и политических наук, лауреат Нобелевской премии по экономике, автор знаменитой работы «Дорога к рабству» и ряда других важных произведений. Многие годы учёный преподавал в разных учебных заведениях Англии, США, ФРГ, в отличие от многих своих последователей предпочитал называть себя классическим либералом или старым вигом.

Хайек решительно отказывался брать за методологическую основу социального анализа такие понятия, как «общество», «класс», «нация», являвшиеся, по его мнению, всего лишь ментальными конструкциями, но никак не реальными объектами. Реален отдельный человек, индивид. Слово «индивидуализм» часто ассоциируется с эгоизмом и самовлюблённостью, но Хайек напоминает о его другом значении: «…индивидуализм, уходящий корнями в христианство и античную философию, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которую мы называем теперь западной цивилизацией. Его основной чертой является уважение к личности как таковой, т.е. признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования» [2, с. 53].

Ни один человек не может обладать всей полнотой знаний о происходящих в обществе событиях и процессах, поэтому знания в сложных социальных системах являются «рассеянными». Наличие рассеянных знаний как раз и позволяет людям спонтанно создавать наиболее важные и значимые социальные институты. Если решение проблем зависит от лучшего использования знаний, то можно пробовать самые разные способы творчества нового. Отсюда также следует, что конкуренция открывает путь к новому. Частное предпринимательство в широком смысле слова Хайек считал единственной системой, дающей возможность оптимально использовать знания, рассеянные в общественном организме.

Основополагающий принцип либерализма, по Хайеку, заключается в том, «что, организуя ту или иную область жизнедеятельности, мы должны максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению. Принцип этот применим в бессчётном множестве ситуаций» [2, с. 57]. В качестве эпиграфа к IV главе своего труда «Дорога к рабству» Хайек приводит слова итальянского диктатора Б. Муссолини о том, «что чем более сложные формы принимает цивилизация, тем более ограниченной становится свобода личности». Он противопоставляет этому суждению свой вывод о том, что «если разделение общественного труда достигло уровня, делающего возможным существование современной цивилизации, этим мы обязаны только тому, что оно было не сознательно спланировано, а создано методом, такое планирование исключающим. Поэтому и всякое дальнейшее усложнение этой системы вовсе не повышает акций централизованного руководства, а, наоборот, заставляет нас больше, чем когда бы то ни было, полагаться на развитие, не зависящее от сознательного контроля» [2, с. 95 – 96]. Свобода рождается из того, что знания поделены между миллионами людей, каждый человек может использовать свои знания и способности, быть готовым к критике и сотрудничеству с другими. Свобода необходима, чтобы дать место непредвиденному и непредсказуемому, из неё рождаются возможности достигнуть многих из наших целей. При этом «свобода личности несовместима с главенством одной какой-нибудь цели, подчиняющей себе всю жизнь общества. Единственным исключением из этого правила является в свободном обществе война или другие локализованные во времени катастрофы. Мобилизация всех общественных сил для устранения такой ситуации становится той ценой, которую мы сознательно платим за сохранение свободы в будущем… Можно временно пожертвовать свободой во имя более прочной свободы в будущем. Но нельзя делать этот процесс перманентным» [2, с. 276 – 277].

Хайек резко критиковал характерную в XX веке для разных обществ переоценку сил разума, выражающуюся в стремлении сознательно сконструировать общество по каким-либо лекалам. Он указывал, что подобные взгляды и действия ведут к созданию тоталитарных режимов, выступал

против любых форм государственного регулирования рынка в демократических государствах, отвергал антитрестовское, социальное законодательство, считая всё это ограничением свободы индивидов, которую утверждал как высшую ценность. Свобода ценна не только потому, что даёт нам право делать то, что мы хотим, но и в силу того, что путём проб и ошибок, в результате испытания людьми новых образов жизни происходит развитие цивилизации.

Всё же перед государством, как полагает Хайек, открывается широкое поле деятельности. Оно должно создавать условия для развития конкуренции, развивать такие услуги, которые в высшей степени полезны для общества, но по своей природе таковы, что прибыль от них не может окупить затрат предпринимателей. Система, основанная на конкуренции, также нуждается в постоянно совершенствуемом правовом механизме, с помощью которого необходимо предотвращать обман и мошенничество, злоупотребления неосведомлённостью. Вместе с тем автор чётко указывает, что «государство должно ограничиться разработкой общих правил, применимых в ситуациях определённого типа, предоставив индивидам свободу во всём, что связано с обстоятельствами места и времени, ибо только индивиды могут знать в полной мере эти обстоятельства и приспосабливать к ним свои действия. А чтобы индивиды могли сознательно строить планы, у них должна быть возможность предвидеть действия правительства, способные на эти планы влиять. Но, коль скоро действия государства должны быть прогнозируемы, они неизбежно должны определяться правилами, сформулированными безотносительно к каким-либо непредсказуемым обстоятельствам» [2, с. 126 – 127].

С вопросом о роли государства тесно связан один из важнейших либертарианских принципов – принцип верховенства права. Понятие «право» весьма многозначно. С точки зрения либертарианцев, право гораздо древнее любого законодательного органа. По замечанию Хайека, мирное сосуществование людей в обществе может обеспечить только соблюдение общих правил. Эти правила и есть право, первоначально развившееся из процесса урегулирования споров. Законы никем специально не устанавливались, они просто накапливались один за другим, по мере разрешения споров. Даже такие великие законодатели, вошедшие в историю, как Хаммурапи, Солон, Ликург, не ставили перед собой задачи создать новое право, они просто формулировали то, чем право было и что оно всегда собой представляло. По сути дела, автор подчеркнул здесь значительную роль обычного права в истории правового развития человечества.

Люди, стремящиеся к реализации своих целей, должны согласовывать свои планы с планами других людей. Из этого вытекает необходимость существования сферы правового регулирования, которая складывается и контролируется путём взаимного согласия людей. Такой сферой спонтанного правопорядка является частное право. Частное право превалирует у Хайека над публичным правом, так как частная собственность – это главная гарантия свободы. При этом должно идти и усовершенствование публичного права. Законы, по Хайеку, во-первых, должны быть общими и абстрактными, во-вторых, не имеющими целью регулирование конкретных действий граждан, в-третьих, должны быть доступными для всеобщего ознакомления и чётко сформулированными.

Законы, не соответствующие этим требованиям, Хайек считает противоречащими принципу правозаконности, при этом те или иные подобные законы могут быть приняты на легальных основаниях. По словам Хайека, «мнение, что власть законодателя безгранична, явившееся в какой-то степени результатом народовластия и демократического правления, укрепилось в силу убеждения, что правозаконности ничто не угрожает до тех пор, пока все действия государства санкционированы законом. Но такое понимание правозаконности совершенно неверно. Дело не в том, являются ли действия правительства законными в юридическом смысле. Они могут быть таковыми и всё же противоречить принципам правозаконности» [2, с. 134].

Учёный заявлял, что не следует делать фетиш из демократии. Демократия, в отличие от свободы, является не целью, а средством для защиты социального мира и свободы личности. Ошибочно считать, что, пока высшая власть в стране принадлежит воле большинства, это является верным средством защиты от произвола. Существующая процедура принятия решений представительным органом требует создания организованного большинства. Часто его можно было сформировать только раздачей каких-либо привилегий, принимаемые таким образом решения становились результатом торгашеских сделок, искажая либеральные принципы свободы и

равенства. Надёжное средство от произвола – это вовсе не источник власти, а её ограничение. «Если же демократия решает свои задачи при помощи власти, не ограниченной твёрдо установленными правилами, она неизбежно вырождается в деспотию» [2, с. 121].

Хайек признавал, что «вполне может оказаться, что свободное общество, как мы его знаем, несёт в себе силы саморазрушения, что завоёванная свобода воспринимается как само собой разумеющееся и её перестают ценить и что свободное развитие идей, составляющее сущность свободного общества, ведёт к разрушению самих оснований последнего» [3, с. 256]. Он предлагал разработать новую либеральную программу, которая воодушевила бы молодых людей, прямо заявлял о необходимости «истинно либерального радикализма».

Хотя работы Хайека и по сей день остаются чрезвычайно влиятельными, содержание взглядов современных либертарианцев во многом определяет вышедшая в 1974 г. книга американского профессора Роберта Нозика (1938 – 2002) «Анархия, государство и утопия». В своей методологии Нозик отталкивался от широко распространённой в своё время в англо-американской науке объяснительной схемы К. Гемпеля. Согласно этой схеме история в большинстве случаев даёт нам не строгое объяснение, в смысле возможности дедуцировать событие из универсальных законов, но нечто вроде объяснительного эскиза, фундаментально возможного объяснения. Такой эскиз состоит из более или менее расплывчатого указания на закон и начальные условия, которые рассматриваются как существенные, и чтобы превратить этот эскиз в развёрнутое объяснение, необходимо его «наполнить». Для того, чтобы объяснить, как возникает государство, Нозик берёт в качестве фундаментально возможного объяснения теорию естественного состояния, «даже если в действительности никакое государство таким образом не возникло» [4, с. 25].

В качестве отправной точки для своих рассуждений о естественном состоянии общества автор взял за образец концепцию Локка. В этом состоянии ещё нет государства, но у индивидов есть определённые неотъемлемые права, это – состояние равенства и свободы, в рамках которого индивиды готовы сами устанавливать справедливость против нарушителей их прав. Нозик задаётся вопросом о том, нужно ли вообще какое бы то ни было государство, почему бы ни жить в состоянии анархии? Автор напоминает о неудобствах естественного состояния, которые приводил Локк, и пытается понять, возможно ли преодолеть эти неудобства, не выходя за пределы естественного состояния.

В естественном состоянии индивид, права которого нарушены, защищается по своему усмотрению. Другие могут присоединиться к обиженному по разным причинам: по дружбе, в благодарность за что-либо, в силу гражданской солидарности и т.п. Таким образом, люди объединяются в группы для взаимной защиты, возникают защитные ассоциации. Но у таких ассоциаций возникают, по мнению Нозика, две трудности. Во-первых, каждый всегда должен быть готов выступить на защиту, но не всегда можно решить, кто конкретно должен явиться на защиту, если не требуются услуги всех членов ассоциации. Во–вторых, каждый член ассоциации может призвать других членов на помощь, просто заявив, что его права нарушаются или были нарушены.

Становление ассоциаций происходит на фоне постоянно возникающих внутренних и внешних неурядиц, конфликтов. В конечном счёте, на определённой территории, не претендуя ни на какие исключительные права, утверждается доминирующая защитная ассоциация. Автор так описывает её статус: «Доминирующая защитная ассоциация не претендует на исключительное обладание каким-либо правом. Но её сила приводит её к тому, что она оказывается единственным агентом, который действует на всём поле, чтобы принудительно обеспечить конкретное право. Дело не просто в том, что она случайно оказывается единственным субъектом, способным реализовать право, обладание которым она признаёт за всеми; природа этого права такова, что как только возникает доминирующая сила, только она будет на деле пользоваться этим правом. Дело в том, что это право включает право удержать других от неправильного пользования этим правом, и только доминирующая сила будет иметь возможность использовать это право против всех остальных людей. Здесь самое подходящее место для использования понятия монополии de facto; она не является монополией де-юре, потому что не является результатом уникального акта, предоставившего ей какое-то исключительное право, в то время как все остальные лишены такой привилегии» [4, с. 145]. Однако сфера деятельности доминирую-

щей защитной ассоциации не распространяется, например, на ссоры людей, не являющихся её клиентами, между собой.

Следующий промежуточный этап общественного устройства на пути к государству Нозик называет ультраминимальным государством. Ультраминимальное государство, как считает учёный, обладает монополией на все формы применения силы, за исключением необходимой самообороны. В то же время оно защищает и обеспечивает права только тех, кто приобретает соответствующие услуги. Ультраминимальное государство неизбежно преобразуется в минимальное государство, гарантирующее всем гражданам право на защиту, поэтому все должны платить налоги. Права, принадлежащие государству, уже принадлежали в естественном состоянии каждому индивиду. Нозик полагает, что он сумел показать спонтанный процесс преобразования естественного состояния в минимальное государство без нарушения при этом чьих-либо прав, что опровергает принципиальные возражения анархистов против государства. При этом учёный отказывается от локковской конструкции общественного договора, оформляющего образование государства. Он опирается на другого классика либерализма, приводя следующие его слова: «Каждый человек преследует лишь свою собственную выгоду, причём в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения» [5, с. 443]. Образование государства, по мнению Нозика, не было чьим-то сознательным замыслом, продуктом чьих-то расчётов и усилий, оно объясняется с позиции «невидимой руки», как результат случайного процесса.

Следующая задача Нозика, к которой он переходит во второй части своей книги, - обосновать необходимость сохранения минимального государства. Он пишет: «Минимальное государство – это максимальное государство, существование которого может быть оправдано. Любое государство, которое больше минимального, нарушает права людей» [4, с. 193]. Нозик подвергает критике представления о том, что назначение государства состоит в справедливом распределении благ и богатства. Он противопоставляет только что появившейся в то время либеральной теории справедливости Ролза свою т.н. «историческую концепцию справедливости». Эта концепция содержит три основных принципа:

1) Принцип передачи имущества. Лицо, которое приобретает имущество в соответствии с принципом справедливости присвоения, имеет право собственности на это имущество.

2) Принцип справедливого первоначального присвоения. Лицо, которое приобретает имущество в соответствии с принципом справедливости перехода у кого-то, кто имеет право собственности на это имущество, также получает право собственности на это имущество.

3) Принцип исправления несправедливости. Никто не может получить право собственности на имущество иначе как в результате применения, в том числе и неоднократного, пунктов 1 и 2.

Нозик называет свою концепцию исторической потому, что нет, по его мнению, иного мерила для оценки справедливости, кроме истории. Он критикует либеральные и социалистические теории за их подходы к справедливости через критерии удовлетворения потребностей, увеличения полезности, вознаграждения заслуг и других «конечных состояний».

Концепция Нозика – это концепция абсолютных прав собственности, которую он выводит из учения Локка, по которому человек обладает собственностью, заключающейся в его собственной личности, собственностью на себя. Требования Ролза о перераспределении благ через налоги от талантливых к обездоленным нарушают, с точки зрения Нозика, право собственности на себя. Ход мысли Нозика следующий: если я имею в собственности себя, то я и собственник своих талантов; а если я владею своими талантами, то я имею право собственности на всё, что произвожу с их помощью. Ролз, с позиций Нозика, отрицает собственность на себя, пытаясь установить частичную собственность на людей, на их деятельность и их труд. Собственность на себя – это всё, чего люди вправе требовать, даже если право такой собственности оказывается чисто формальным. Человек, имеющий только такое право, может быть вынужден пойти ради выживания на самые кабальные и неблагоприятные условия работодателя. Нозик признаёт такие ситуации, но для него самое главное, что юридически такой человек не находится во владении другого человека, не считается рабом. Формальное право собственности на себя всё равно остаётся, по мнению автора, самым важным даже для тех, кто не имеет больше никакой собственности.

В третьей части своей работы Нозик счёл нужным обратиться к рассмотрению теории утопии. Он признал, что «минимальное государство выглядит бледным и слабым по сравнению (если взять полярный пример) с надеждами и мечтами утопистов» [4, с. 365]. Вместе с тем автору кажется невероятным, что может существовать одна совершенная идея, как обустроить человечество, одноединственное общество, являющееся наилучшим для каждого. Каждый из творцов утопий абсолютно уверен в достоинствах своих собственных представлений и в их исключительной правильности, но эти представления сильно различаются между собой в том, какие институты и образы жизни они предлагают для общества.

Нозик считает, что любая группа людей может предлагать свою модель устройства общества и убеждать других последовать их примеру. Он сочувственно относится к добровольным утопическим экспериментам, которые как раз и может позволить проводить в определённой рамке минимальное государство. Люди, составляющие план идеального общества. рассматривают много разных вариантов. Одни из этих вариантов подвергаются критике, другие вовсе отвергаются, третьи видоизменяются, пока не достигается консенсус относительно оптимального варианта.

Все идеи должны быть опробованы на практике, чтобы посмотреть, как они будут работать. Этот процесс, помещённый в рамку, Нозик описывает следующим образом: «Люди пробуют жить в разных сообществах и покидают те, которые им не нравятся (которые они считают дефектными), или слегка меняют их. Одни сообщества будут покинуты, другие будут бороться за выживание, некоторые расколются, некоторые расцветут, станут многочисленными и у них найдутся подражатели. Каждое сообщество должно завоевать и удержать добровольную приверженность своих членов. Ни одна модель не будет никому навязываться, и одна модель будет конечным результатом если и только если только каждый добровольно решит жить в соответствии именно с этой моделью сообщества» [4, с. 386].

Интересен в этом отношении пример кибуцев. Кибуцы – это сельскохозяйственные коммуны с общностью имущества и равенством в труде и потреблении, которые были созданы еврейскими иммигрантами в Палестине в начале XX века и существуют по сей день, пережив определённые трансформации и сыграв большую роль в становлении и развитии государства Израиль. Израильский исследователь Б.И. Дубсон, учитывая долговременность деятельности кибуцев, считает, что кибуцы – это уже не утопия и не эксперимент. «Было бы точнее назвать их социальным феноменом, что подчёркивает их исключительность и выдающийся характер этого социального явления» [6, с. 275]. Как бы ни сложилась дальнейшая судьба кибуцев, можно согласиться с автором, что «конец истории», который предрекал Ф. Фукуяма, не предвидится, ибо современное капиталистическое общество не может служить эталоном справедливого социума, о котором всегда мечтало человечество. И поэтому тяга к поиску альтернативных капитализму форм социальной организации неистребима» [6, с. 287].

Возвращаясь к сочинению Нозика, следует признать, что автор в духе истинного либерализма признаёт право попытаться реализовать свой проект и создать привлекательный образец всем желающим: визионерам и чокнутым, маньякам и святым, монахам и распутникам, капиталистам и коммунистам, приверженцам фаланстеров и дворцов труда и т.д. Он выделяет три вида утопизма: «империалистический утопизм, который санкционирует принуждение каждого индивида к жизни в одной модели сообщества; миссионерский утопизм, который надеется уговорить или убедить каждого индивида жить в одной определённой модели сообщества, но не будет принуждать людей к этому; и экзистенциальный утопизм, который надеется на то, что некая конкретная модель сообщества будет существовать (будет жизнеспособна), хотя и не обязательно повсеместно, так что желающие смогут жить в соответствии с ней. Экзистенциальные утописты могут всецело поддержать рамку. Утописты-миссионеры, несмотря на универсальный характер своих устремлений, присоединятся к ним и поддержат создание рамки, потому что для них принципиально, чтобы приверженность их идеалу была следствием полностью добровольного выбора. В отличие от первых двух случаев утописты-империалисты будут выступать против рамки, если только все с ними не согласятся» [4, с. 391]. В рассуждениях Нозика проступает апология минимального государства, ведь только оно позволяет своим гражданам выбирать свою жизнь и реализовывать свои цели и свои представления в той мере, в какой граждане на это способ-

ны, опираясь на добровольное сотрудничество других индивидов, обладающих тем же достоинством.

В целом либертарианство пронизано иногда доходящей до фанатизма верой в историческую миссию всего частного, индивидуального, спонтанного, несущего в конечном счёте благо для человечества. Трудно назвать плодотворной либертарианскую идею полного демонтажа социальной функции государства, хотя осуществление этой функции и требует некоторой корректировки. До этого пока не доходят даже те государственные деятели на Западе, которые, придя к власти, реализуют на практике некоторые экономические рекомендации либертарианства. Представляется, что прав Г.В. Мальцев, писавший о том, что «если допустить, что либертарианские призывы покончить со всесилием государства, упразднить его экономические и социальные функции возымели действие, то легко себе представить, что место исчезающего или упразднённого государства тут же займёт какая-то крупная частная организация или организации, действующие как государство, но абсолютно безответственные перед обществом» [7, с. 496].

Литература

1. *Боуз Д*. Либертарианство. Челябинск, 2009.
2. *Хайек Ф*. Дорога к рабству. М., 2012.
3. *Хайек Ф*. Капитализм и историки. Челябинск. 2012.
4. *Нозик Р*. Анархия, государство и утопия. М., 2008.
5. *Смит А*. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
6. *Дубсон Б.И*. Кибуцы. М., 2008.
7. *Мальцев Г.В*. Социальные основания права. М., 2007.

УДК 340.15

Небратенко Г. Г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДОВАНИЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Институт наследования выступает составной частью обычного права в традиционном обществе. Обычное право донских казаков не является исключением. В то же время у казаков существовала специфика в организации наследственных отношений. Это обстоятельство доказывает существование социокультурных особенностей наследования, основанного на традициях и обычаях. Специфика института наследования у донских казаков определялась их особым правовым положением.

Inheritance Institute acts as a part of customary law in the traditional society. The customary law of don Cossacks is no exception. At the same time, the Cossacks existed specifics in the organization of hereditary relations. This fact proves the existence of socio-cultural peculiarities of inheritance based on the traditions and customs. The specifics of the Institute of inheritance at the don Cossacks were determined by special legal regulations.

Ключевые слова: *наследование, наследственное право, обычное право, обычай, донские казаки, традиционное общество.*

Key words: *Inheritance, inheritance law, customary law, custom, Cossacks of the don, traditional society.*

Принятие наследства в традиционном обществе донских казаков представляло собой одностороннюю сделку, реализуемую по духовному завещанию, обязательному для исполнения, а также на основе обычаев. Но даже духовное завещание как институт обеспечения воли наследодателя на Дону можно рассматривать, скорее, как обычай, чем норму церковного права, т.к. последнее в условиях «религиозной автономии» края [1, с. 158 – 167] стало приобретать осязаемые формы лишь в XVIII в. вме-